

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I Как мы сбились с пути

Глава 1. Введение	29
Глава 2. Путь к более плачевному состоянию экономики	62
Глава 3. Эксплуатация и рыночная власть	79
Глава 4. Раскол Америки в вопросе глобализации	116
Глава 5. Финансы и американский кризис	142
Глава 6. Проблема новых технологий	160
Глава 7. Почему правительство?	184

Часть II Реконструкция американской политики и экономики: что нужно делать

Глава 8. Восстановление демократии	209
Глава 9. Восстановление динамичной экономики с рабочими местами и возможностями для всех	232
Глава 10. Достойная жизнь для всех	269
Глава 11. Возрождение Америки	284
Благодарности	314
Примечания	322

Предисловие

Я родился в городе Гэри, штат Индиана, на южном берегу озера Мичиган. Мое детство пришлось на годы золотого века капитализма, но это выяснилось лишь значительно позже. В те времена они не казались особенно золотыми — я был свидетелем расовой дискриминации и сегрегации, вопиющего неравенства, трудовых конфликтов и периодических экономических спадов. Здесь нет ничего удивительного — ведь видишь обычно лишь последствия этого на своих одноклассниках и облике города.

Город был свидетелем индустриализации и деиндустриализации Америки. Его заложили в 1906 г. при строительстве крупнейшего в мире металлургического комбината и назвали в честь основателя и председателя правления компании US Steel Элберта Гэри. Это был монопрофильный во всех смыслах город. Когда я приехал туда на празднование 55-й годовщины своего окончания средней школы в 2015 г., еще до того, как Трамп стал неотъемлемой частью пейзажа, напряженность ощущалась физически, и не без основания. Город шел вместе со всей страной по пути деиндустриализации. Численность его населения едва достигала половины того уровня, что был во времена моего детства. Город выгорел. Он служил съемочной площадкой для голливудских фильмов о войне и апокалипсисе. Некоторые из моих одноклассников стали учителями, было несколько врачей и юристов и множество секретарей.

Печальнее всего на этой встрече звучали одноклассники, которые рассказывали, как они хотели после окончания школы получить работу на комбинате, но страна переживала очередной экономический спад, и им пришлось поступить на военную службу и посвятить свою жизнь охране порядка. Читая список тех, кто ушел из жизни, и глядя на внешний вид оставшихся, можно было судить о неравенстве в продолжительности жизни и уровне медицинского обслуживания в стране. Между двумя одноклассниками завязался спор. Один из них, бывший полицейский, резко критиковал правительство, а другой, бывший школьный учитель, указывал на то, что пенсию и пособия в случае инвалидности бывшие полицейские получают от этого самого правительства.

Когда я уезжал из Гэри в 1960 г. на учебу в Колледже Амхерста в штате Массачусетс, кто мог предвидеть, куда повернет история и как это отразится на моем городе и одноклассниках? Этот город определил мою судьбу: неотступные воспоминания о неравенстве и страданиях заставили меня забыть о пристрастии к теоретической физике и переключиться на экономику. Я хотел понять, почему наша экономическая система обездоливает столько народа и можно ли изменить ситуацию. Но, хотя я изучил выбранную дисциплину — и начал лучше разбираться в том, почему рынки зачастую работают не слишком хорошо, — проблемы не разрешились, а стали только глубже. Неравенство усилилось и вышло за пределы всего мыслимого во времена моей юности. Годы спустя, когда в 1993 г. я вошел в администрацию президента Билла Клинтона сначала в качестве члена, а потом председателя Экономического совета, этим вопросом наконец начали заниматься. Примерно в середине 1970-х гг. или начале 1980 г. неравенство стало резко расти, поэтому в 1993 г. оно было значительно сильнее, чем все, что я помнил.

Изучение экономики привело меня к выводу, что идеология многих консерваторов ошибочна. Их почти религиозная вера в силу рынков — безграничная настолько, что они могли бы

в управлении экономикой просто положиться на свободные рынки, — не имела ни теоретического, ни фактического подтверждения. Нам нужно было не убеждать других в этом, а разрабатывать программы и политику, которые могли развернуть опасную тенденцию роста неравенства и потенциала нестабильности, результат финансовой либерализации, начавшейся при Рональде Рейгане в 1980-х гг. К несчастью, вера в силу рынков укоренилась к 1990-м гг. настолько, что сторонниками финансовой либерализации были некоторые мои коллеги в администрации и даже сам Клинтон¹.

Мое беспокойство по поводу роста неравенства лишь усиливалось, пока я работал в Экономическом совете Клинтона, а после 2000 г. оно стало совершенно невыносимым. Еще никогда со времен, предшествовавших Великой депрессии, на богатейших граждан не приходилась столь большая доля совокупных доходов населения страны².

С момента начала работы в администрации Клинтона на протяжении 25 лет меня мучили три вопроса. Как мы дошли до такой жизни? Куда мы движемся? И можно ли изменить курс? Я подходил к ним как экономист и видел, естественно, как минимум часть ответа в наших экономических провалах — неспособности организовать плавный переход от производственной экономики к экономике услуг, обуздать финансовый сектор, совладать с глобализацией и ее последствиями, а самое главное — не допустить превращения США в страну с экономикой и демократией 1% населения, для 1% населения и по желанию 1% населения³. И практический опыт, и исследования убедили меня в том, что экономику и политику невозможно разделить, особенно в Америке с ее помешанной на деньгах политикой. Именно поэтому я, хотя и уделяю основное внимание экономике нашей нынешней ситуации, не могу не касаться политики.

Многие составные части этого диагноза стали к настоящему времени хорошо нам знакомыми, включая чрезмер-

ную финансиализацию, плохо управляемую глобализацию и возрастающую рыночную власть. Я показываю, как они взаимосвязаны и как в совокупности они проливают свет на то, почему рост экономики такой слабый и почему плоды этого роста распределяются так неравномерно.

Эта книга, впрочем, не только о диагнозе, но и о рецепте — о том, что мы можем сделать, о пути вперед. Для разговора на подобные темы нужно объяснить, откуда на самом деле берется богатство народов, разграничить создание богатства и его извлечение. Под последним понимается процесс получения богатства путем эксплуатации в какой-либо форме. Реальным источником «богатства народа» является первый процесс, то есть творческие способности и производительный труд людей, составляющих народ страны, а также их производительное взаимодействие друг с другом. В его основе лежит научный прогресс, который помогает нам получать неочевидные знания и использовать их для совершенствования технологии. Помимо этого, он опирается на представления о социальной организации, углубляющиеся в ходе аргументированной дискуссии, которая ведет к появлению таких широко известных институтов, как «верховенство закона, система сдержек и противовесов, а также надлежащая правовая процедура». Я намечаю контуры прогрессивной повестки дня, которая представляет собой антитезис повестки дня Трампа и его сторонников. Она, в каком-то смысле, является отвечающим реалиям XXI в. сочетанием программ президентов Тедди Рузвельта и Франклина Делано Рузвельта. В ее центре лежит идея о том, что реализация предлагаемых реформ приведет к быстрому росту экономики и общему процветанию, а в конечном итоге к превращению того характера жизни, к которому стремится большинство американцев, из несбыточной мечты в достижимую реальность. Короче говоря, если понять, из каких источников берется богатство народа, можно построить более динамич

ную экономику и добиться общего процветания. Для этого правительство должно взять на себя иные, возможно более широкие функции, чем те, что оно выполняет сегодня: мы не можем отмахиваться от потребности в коллективных действиях в нашем сложном мире XXI в. Я показываю также, что существует целый набор абсолютно необременительных мер, которые могут сделать жизнь на уровне среднего класса – еще в середине прошлого столетия казавшейся доступной, а теперь все более недостижимой – вновь нормой, а не исключением.

Рейганомика, трампомика и посягательство на демократию

Для осмысления нашей сегодняшней ситуации полезно вернуться назад примерно на 40 лет к временам, когда консерваторы тоже были на вершине. Тогда это походило прямо-таки на глобальную тенденцию: Рональд Рейган в США, Маргарет Тэтчер в Великобритании. Кейнсианская экономика с ее акцентом на том, что правительство может поддерживать полную занятость путем управления *спросом* (через денежно-кредитную и налоговую политику), была заменена на *экономику предложения*, где акцент смещался на дерегулирование и снижение налогов для повышения деловой активности, роста предложения товаров и услуг и, таким образом, увеличения доходов отдельных лиц.

Дежавю: экономическое шаманство

Экономика предложения не работала при Рейгане, не будет она работать и при Трампе. Республиканцы уверяют себя и американский народ в том, что трамповское сокращение налогов оживит экономику и потеря налоговых доходов будет не такой значительной, как заявляют скептики. Это аргумент стороны предложения, и в настоящий момент все должны знать, что

он не работает. Рейгановское сокращение налогов в 1981 г. положило начало эпохе гигантского бюджетного дефицита, замедления роста и углубления неравенства. Трамп в своем законе о налогообложении 2017 г. подсовывает нам еще большую, чем Рейган, порцию политики, основанной не на науке, а на своекорыстном поверье. Президент Джордж Буш–старший называл рейгановскую экономику предложения *экономическим шаманством*. Так вот, Трамп предлагает гипертрофированное экономическое шаманство.

Некотрые сторонники Трампа допускают, что его политика далека от совершенства, но при этом защищают его. Послушать их, так он хотя бы уделяет внимание тем, от кого долгое время отмахивались, уважает их человеческое достоинство. Я бы сформулировал это иначе: он достаточно опытен, чтобы чувствовать недовольство, раздуть его и безжалостно играть на нем. То, что он готов ухудшить положение среднего класса, отобрав медицинское обслуживание у 13 млн американцев, в стране, уже ошарашенной сокращением средней продолжительности жизни, говорит не об уважении, а о презрении. О том же говорят и налоговые льготы богатым при фактическом повышении налогов для подавляющей доли представителей среднего класса⁴.

Для тех, кто жил при Рональде Рейгане, сходство политики очень заметно. Как и Трамп, Рейган играл на страхе и узости взглядов: он эксплуатировал историю с «королевой пособий»*, которая обирала американцев, с трудом зарабатывавших на жизнь. Подразумевались, конечно, афроамериканцы. Рейган тоже не испытывал сострадания к бедным. Считать горчицу и кетчуп овощами, необходимыми для повышения питатель-

* Имеется в виду история некой мошенницы, которая обманывала социальные службы и незаслуженно получала пособия. Рейган использовал ее во время предвыборной кампании для иллюстрации вреда социальных программ. — *Прим. пер.*

ности школьных обедов, было бы забавно, если бы не вызывало грустные мысли. Лицемерие Рейгана проявлялось в эвфемизмах вроде «добровольного ограничения экспорта»: Японии предоставили выбор — либо она сама ограничит свой экспорт, либо это сделают за нее. Не случайно на месте торгового представителя США в администрации Трампа оказался Роберт Лайтхайзер, который работал в этой должности при Рейгане 40 лет назад.

У Рейгана и Трампа есть и другие общие черты, например откровенная готовность служить интересам корпораций, в некоторых случаях одним и тем же. Рейган устроил раздачу природных ресурсов по дешевке, распродажу, позволившую крупным нефтяным компаниям получить нефтяные богатства страны за мизерную часть их реальной стоимости. Трамп пришел к власти на обещании «осушить болото», то есть предоставить голос тем, кто считал, что вашингтонские заправилы игнорируют их. Однако после его вступления в должность болото стало лишь глубже.

Вместе с тем, несмотря на все сходство, существуют и глубокие различия, которые приводят к разногласиям с некоторыми старейшинами Республиканской партии. Рейган, конечно, окружил себя партийными политиками, что вполне естественно, но у него на ключевых постах были и выдающиеся государственные деятели вроде Джорджа Шульца (Шульц при Рейгане занимал в разное время посты госсекретаря и министра финансов)⁵. Для них аргументы и истина имели не последнее значение, они, например, смотрели на изменение климата как на реальную угрозу и считали Америку глобальным лидером. Они, как и члены предыдущих и последующих администраций, сгорели бы со стыда, если бы их поймали на откровенной лжи. Хотя им и случалось затуманивать правду, истина кое-что значила для них. Этого нельзя сказать о нынешних обитателях Белого дома и их окружении.

Рейган по крайней мере поддерживал видимость аргументированности и логики. В основе его политики сокращения налогов лежала теория, экономика предложения, которую мы уже упоминали. За 40 лет ошибочность этой теории доказывали неоднократно. Трампу и республиканцам XXI в. теория ни к чему: они сделали это потому, что просто имели такую возможность.

Именно презрительное отношение к истине, науке, знаниям и демократии отличает администрацию Трампа и других руководителей такого же толка от Рейгана и других консерваторов прошлого. В реальности, как я показываю, Трамп во многом более революционен, чем обычный консерватор. Можно понимать причины, по которым его извращенные идеи находят отклик у такого большого числа американцев, но это не делает их более привлекательными или менее опасными.

Трамповская налоговая «реформа» 2017 г. наглядно показывает, как далеко страна отошла от прежних традиций и норм. Налоговая реформа обычно проводится с целью упрощения, устранения лазеек, создания условий, при которых все вносят в бюджет справедливую долю дохода, и обеспечения таких поступлений, при которых стране хватает средств для расчетов по счетам. Даже Рейган в своей реформе 1986 г. выступал с призывом к упрощению налогообложения. Налоговое законодательство 2017 г., наоборот, привносит новые сложности и оставляет большинство вопиюще очевидных лазеек на месте, в том числе ту, которая позволяет работникам фондов прямых инвестиций платить максимум 20%, что практически в два раза ниже того, что платят другие работающие американцы⁶. Оно аннулировало норму о минимальном налоге, которая не позволяла физическим лицам и компаниям *злоупотреблять* лазейками и заставляла платить хотя бы минимальный процент со своих доходов.

На этот раз никто не притворялся, что дефицит бюджета сократится. Единственное, о чем говорили, — так это о том, насколько он вырастет. К концу 2018 г. расчеты показывали, что правительству придется заимствовать рекордную сумму, более \$1 трлн в следующем году⁷. Даже в виде процентной доли ВВП это был рекорд для страны, которая не страдала ни от войны, ни от рецессии. Для экономики, стремящейся к полной занятости, дефицит однозначно вреден, поскольку Федеральной резервной системе приходится повышать процентные ставки, а значит, сдерживать инвестиции и рост. Тем не менее лишь один республиканец (сенатор Рэнд Пол от штата Кентукки) позволил себе больше, чем пискнуть в знак протеста. За пределами американской политической системы, однако, критика звучала со всех сторон. Даже Международный валютный фонд, никогда не отличавшийся склонностью к критике США, страны, чей голос давно доминирует в этом институте, завел речь о налогово-бюджетной безответственности⁸. Политических наблюдателей поразил размах лицемерия — когда экономике реально требовалось стимулирование, фискальный импульс, после кризиса 2008 г., республиканцы говорили, что страна не может позволить себе этого, что это приведет к недопустимому дефициту.

Налоговый закон Трампа является порождением глубочайшего политического цинизма. Даже скудные подачки, которыми это детище республиканцев одаривает простых граждан (небольшое снижение налогообложения в течение следующих нескольких лет), предусматриваются лишь на некоторое время. Партийная стратегия, по всей видимости, основывается на двух гипотезах, которые, если дело действительно обстоит так, не сулят стране ничего хорошего. Одна из них заключается в том, что обычные граждане предельно близоруки, они будут радоваться небольшому снижению налогов и не заметят его временного характера, а также повышения налогов для подавляющей части среднего класса. Суть другой,

и это более важно, в том, что реальное значение для американской демократии имеют лишь деньги. Стоит угодить богатым, и они осыпят Республиканскую партию взносами, на которые можно купить голоса, необходимые для проведения нужной политики. Это показывает, как далеко Америка отошла от идеалов, провозглашенных в момент ее создания.

Откровенные попытки давления на избирателей и беспардонные предвыборные махинации, подрыв демократии также отличают нынешнюю администрацию. Нельзя сказать, что подобные вещи не случались в прошлом — к сожалению, это практически неотъемлемая часть американской традиции, — но они никогда не делались настолько бессердечно, так пунктуально и открыто.

Главным, пожалуй, было то, что в прошлом лидеры обеих партий пытались объединить страну. Как-никак они приносили клятву на конституции, которая начинается словами «Мы, народ...». В основе этого лежала вера в принцип общего блага. Трамп, в отличие от этого, начал играть на разделении и его углублении.

Вежливость, которая требовала цивилизованного поведения, была отброшена, а вместе с ней и видимость приличия — как на словах, так и в делах.

Конечно, страна и мир сейчас совсем другие, чем четыре десятилетия назад. Тогда процесс деиндустриализации только начинался, и, выбери Рейган и его преемники правильную политику, такого опустошения американских промышленных центров, которое мы наблюдаем сейчас, возможно не произошло бы. Мы также стояли в самом начале великого разделения, колоссального разрыва благосостояния 1% населения страны и остальной его части. Нас учили, что, как только страна достигает определенного уровня развития, неравенство сокращается — и Америка является наглядным примером этой теории⁹. После Второй мировой войны процветали все слои наше-

го общества, но доходы тех, кто был внизу, росли быстрее, чем у тех, кто находился на вершине. Мы создали величайшее в мире общество среднего класса. Однако к выборам 2016 г. неравенство достигло такого уровня, которого не видели со времен «Позолоченного века»* в конце XIX столетия.

Взгляд на то, где страна находится сегодня и где она была четыре десятилетия назад, ясно показывает, что такая же нероботоспособная и неэффективная, как политика Рейгана в свое время, трампономика еще хуже подходит для нынешнего мира. Нам тогда было не под силу вернуться назад в идиллические внешне дни администрации Эйзенхауэра; уже тогда шел процесс перехода от производственной экономики к экономике обслуживания. Сейчас, 40 лет спустя, подобные устремления выглядят совершенно оторванными от реальности.

Меняющаяся демографическая картина Америки к тому же переводит этот взгляд на «прекрасное» прошлое — прошлое, где большие группы населения, включая женщин и небелых граждан, вообще исключались из процветания — в плоскость демократического выбора. Дело не только в том, что подавляющее большинство американцев скоро будет небелым, или в том, что мир и экономика XXI в. не могут больше мириться с мужским доминированием в обществе. Надо еще принимать во внимание, что жители наших городов и на севере, и на юге, где обитает подавляющая часть населения, осознали ценность разнообразия. Те, кто живет в этих центрах роста и динамизма, поняли также ценность сотрудничества и увидели роль, которую правительство может и обязано играть, чтобы добиться общего процветания. Они отбрасывают предрассудки прошлого, порой очень решительно. Но если так, то для меньшинства (будь это крупные компании, пытающиеся наживаться

* «Позолоченный век» — саркастическое название периода с конца Гражданской войны в Америке до 1880-х гг., для которого были характерны быстрое обогащение некоторых слоев населения и коррупция в сфере политики и бизнеса. — *Прим. пер.*

на потребителях, банки, старающиеся погреть руки на заемщиках, или те, кто увяз в прошлом и хочет вернуть ушедший мир) в демократическом обществе единственный путь сохранить свое экономическое и политическое доминирование — это подавление демократии тем или иным образом.

Так быть не должно — недопустимо, чтобы в Америке, такой богатой стране, насчитывалось так много бедных людей, которые еле сводят концы с концами. Хотя, конечно, существуют силы, усугубляющие неравенство (в том числе изменения технологии и глобализация), ситуация в других странах показывает, что дело здесь в политике. Неравенство — это результат сознательного выбора. Оно не является неизбежным. Однако, если мы не изменим нынешний курс, неравенство, скорее всего, станет еще сильнее, и наш рост так и останется на текущем низком уровне, который сам по себе является загадкой с учетом того, что у нас вроде бы самая инновационная экономика, да и времена сейчас самые инновационные за всю историю мира.

У Трампа нет плана помощи стране. Его план предусматривает дальнейшее ограбление подавляющей части населения теми, кто находится на вершине. Эта книга наглядно показывает: политика Трампа, а вместе с ним и Республиканской партии ведет к углублению всех проблем, стоящих перед нашим обществом, — усилению экономического, политического и социального разделения, сокращению средней продолжительности жизни, ухудшению финансовой ситуации и втягиванию страны в новую эру замедления роста.

Трампа нельзя винить во многих проблемах нашей страны, но он помогает им проявиться: разделение уже существует, и любой демагог может играть на нем. Если бы Трамп не появился на сцене, через несколько лет на нее вышел бы какой-нибудь другой демагог. Если взглянуть на мир, то примеров предостаточно — Ле Пен во Франции, Моравецкий в Польше, Орбан в Венгрии, Эрдоган в Турции, Дутер-

те на Филиппинах и Болсонару в Бразилии. Хотя каждый из этих демагогов своеобразен, все они отвергают демократию (Орбан, например, с гордостью рассуждает о достоинствах *нелиберальной* демократии) с ее верховенством закона, свободными средствами массовой информации и независимой судебной системой. Все они верят в «сильную личность» — в себя, надо понимать, — в культ личности, который вышел из моды в большинстве стран мира. И, конечно, все они пытаются обвинить внешние силы в своих проблемах, а сами являются националистами, превозносящими врожденные добродетели своих народов. Этому поколению реальных и потенциальных автократов поголовно присуща грубость, а в некоторых случаях неприкрытая нетерпимость и пренебрежительное отношение к женщинам.

Большинство проблем, которые я затрагиваю, характерна и для других развитых стран, однако, как мы увидим, Америка идет впереди всех и в неравенстве, и в разрушении здравоохранения, и в разделении. Трамп служит для других ярким примером того, что может произойти, если этим болячкам позволить гноиться слишком долго.

Старая мудрость гласит: в политике невозможно победить, не предложив ничего. Так и в экономике: плохой план можно развенчать, только показав, что ему есть альтернатива. Даже если бы мы не оказались в нынешнем болоте, все равно нужно было бы предложить альтернативу тому видению, которое приняла наша страна и значительная часть мира в последние три десятилетия. В этом видении общества экономике отводится центральное место, причем экономика рассматривается через линзу «свободных» рынков. Оно преподносится как основанное на наших достижениях в понимании рынков, однако в действительности истина прямо противоположна: достижения в области экономической науки за последние 70 лет прямо говорят об ограниченности возможностей свободных рынков. Любой, у кого глаза не зашорены, может сам

убедиться в этом: эпизодическая безработица, иногда массовая, как во время Великой депрессии, и загрязнение окружающей среды, из-за которого в некоторых местах просто нечем дышать, – всего лишь два наиболее очевидных «доказательства» того, что рынки сами по себе не обязательно работают хорошо.

Я ставлю перед собой цель прежде всего изложить наши представления о реальных источниках богатства народа и показать, как в процессе укрепления экономики добиться справедливого распределения ее плодов.

Я представляю здесь альтернативу программе, предложенной, с одной стороны, Рейганом, а с другой – Трампом, альтернативу, которая опирается на достижения современной экономической науки и которая, по моему убеждению, должна привести нас к общему процветанию. Попутно я поясняю, почему неолиберализм, то есть идеология нерегулируемого рынка, не работает и почему трампономика, своеобразное сочетание низких налогов для богатых и финансового и экологического дерегулирования с национализмом и протекционизмом – сильно регулируемым режимом глобализации – тоже не будет работать.

Прежде чем приступить к изложению этой темы, думаю, будет полезно обрисовать современные представления экономической науки, необходимые для понимания того, о чем пойдет речь¹⁰.

Во-первых, рынки сами по себе не способны обеспечить общее и устойчивое процветание. Рынки неоценимы для любой хорошо функционирующей экономики, однако зачастую приносят результаты, которые нельзя считать приемлемыми и целесообразными. Они порождают слишком много одного (загрязнение окружающей среды) и слишком мало другого (фундаментальные исследования). А кроме того, как показал финансовый кризис 2008 г., рынки сами по себе нестабильны. Более 80 лет назад Джон Мейнард Кейнс объяснил, почему рыночную экономику нередко сопровождает устой-

чивая безработица, и показал, как правительство может поддерживать практически полную занятость.

При наличии сильного расхождения между общественным благом от какой-либо деятельности (выгодой для общества) и индивидуальным благом от этой же деятельности (выгодой для отдельного лица или компании) рынки не могут самостоятельно устранить его. Изменение климата, пожалуй, самый показательный пример: глобальные общественные издержки выбросов углекислого газа огромны – чрезмерные выбросы парниковых газов представляют реальную угрозу всей планете. Они значительно превосходят издержки любой фирмы или даже страны. Выбросы углекислого газа необходимо ограничить либо путем регулирования, либо путем введения платы за них.

Рыночные механизмы плохо работают и в условиях неполной информации и отсутствия некоторых ключевых рынков (например, для страхования значимых рисков, вроде риска безработицы) или при ограниченной конкуренции. Подобные рыночные «несовершенства» вездесущи, и к ним очень чувствительны определенные сферы вроде финансов. Кроме того, рынки не создают в достаточном количестве то, что называют «общественными благами» (например, противопожарную защиту или национальную оборону) – блага, которыми пользуется все население и плату за которые сложно взимать иначе, чем путем сбора налогов. Чтобы обеспечить более эффективное функционирование экономики и общества и таким образом создать гражданам условия для процветания и безопасной жизни, правительству необходимо тратить деньги, в частности на страхование на случай безработицы и на финансирование фундаментальных исследований, а также вводить регулирование, защищающее людей от вредного воздействия со стороны других. Капиталистическая экономика всегда предполагала существование определенного сочетания частных рынков и государственных – вопрос был не в том, какую форму хозяйствования выбрать, рыночную или госу-

.....

дарственную, а как сочетать то и другое наилучшим образом. В применении к теме этой книги сказанное выше означает, что для формирования эффективной и стабильной экономики с высокими темпами роста и справедливым распределением плодов этого роста необходимо вмешательство правительства.

Во-вторых, необходимо признать, что богатство народа держится на двух столпах. Государства становятся богаче — добиваются повышения уровня жизни — за счет роста производительности труда, а главным источником роста производительности является приобретение знаний. Технический прогресс — это производное от научной базы, которая создается в результате фундаментальных исследований, финансируемых правительством. Государства богатеют также в результате хорошего общественного устройства, позволяющего людям безопасно взаимодействовать, торговать и инвестировать. Образ хорошего общественного устройства является результатом десятилетий логических построений и размышлений, эмпирических наблюдений для выявления того, что работает, а что нет. Все это ведет к появлению представлений о важности демократии с верховенством закона, надлежащей правовой процедурой, системой сдержек и противовесов, а также массой институтов, занимающихся выявлением, оценкой и распространением истины.

В-третьих, нельзя путать богатство народа с богатством отдельно взятых людей в этой стране. Одни люди и компании успешно производят новые продукты, нужные потребителям. Это хороший способ накопления богатства. Другие успешно используют свою рыночную власть для эксплуатации потребителей или своих работников. Это не что иное, как перераспределение дохода, и совершенно не увеличивает общее богатство народа. В экономике такой процесс обозначается специальным термином «рента» — погоня за рентой ассоциируется с попыткой получить более значительную долю национального экономического пирога, в отличие от создания богат-

ства, которое нацелено на увеличение размера этого пирога. Политики должны внимательно следить за рынками, где существует избыточная рента, поскольку она указывает на то, что экономика может работать более эффективно: эксплуатация, свойственная ренте, фактически ослабляет экономику. Успешная борьба против погони за рентой приводит к перенаправлению ресурсов на создание богатства.

В-четвертых, менее разделенное общество, экономика с более высоким равенством, работает лучше. Особенно возмутительна дискриминация по расовому, гендерному и этническому признаку. Это очевидный отход от того взгляда, который прежде преобладал в экономической науке. Он предполагал, что жертвовать ростом и эффективностью можно только ради повышения равенства. Выгоды от уменьшения неравенства особенно велики, когда оно достигает таких экстремальных уровней, как в Америке, и когда оно возникает, например, в результате использования рыночной власти или дискриминации. Однако в принятом законе нет цели повысить равномерность распределения доходов.

Нам также нужно избавиться от ошибочной веры в экономику просачивания благ, идею о том, что от роста экономики выигрывают все. Эта идея подкрепляла ориентированную на экономику предложения политику всех президентов-республиканцев, начиная с Рональда Рейгана. Факты ясно говорят о том, что выгоды роста никуда не просачиваются. Достаточно посмотреть на массу населения в Америке и других странах развитого мира, живущего в отчаянии после десятилетий практически полного отсутствия роста доходов из-за экономики предложения, даже несмотря на увеличение ВВП. Рынки сами по себе не обязательно помогают этим людям, ситуация могут изменить только правительственные программы.

В-пятых, для достижения общего процветания правительственные программы должны быть сфокусированными как на распределении рыночного дохода – то, что иногда называют

предварительным распределением, — так и на перераспределении, доходах, которые остаются у людей после налогообложения и социальных выплат. Рынки существуют не в вакууме, они должны быть структурированными, а то, как мы их структурируем, влияет и на распределение рыночного дохода, и на рост с эффективностью. Таким образом, законы, позволяющие корпорациям злоупотреблять монопольной властью, а директорам забирать себе значительную долю корпоративного дохода, ведут к усилению неравенства и замедлению роста. Создание более справедливого общества требует равенства возможностей, которое, в свою очередь, нуждается в повышении равенства доходов и богатства. Преимущества всегда в определенной мере передаются от поколения к поколению, поэтому чрезмерное неравенство доходов и богатства в одном из них транслируется в более высокое неравенство в следующем. Образование частично решает эту проблему, но только частично. В Соединенных Штатах неравенство образовательных возможностей выше, чем во многих других странах, и улучшение образования для всех могло бы снизить неравенство и повысить экономическую эффективность. Эффект неравенства образовательных возможностей усиливается чрезмерно низким нынешним уровнем налогов на наследство, что ведет к появлению в Соединенных Штатах наследуемой плутократии.

В-шестых, поскольку правила игры и множество других аспектов нашей экономики и общества зависят от правительства, его действия жизненно важны; политику и экономику разделить невозможно. Однако экономическое неравенство неизбежно переходит на политическую власть, и те, кто во власти, используют ее для получения персональных преимуществ. Если мы не реформируем правила своей политики, наша демократия станет посмешищем, а мы будем жить в мире, где голодают по принципу один доллар — один голос. Если мы, как общество, хотим иметь эффективную систему сдержек и противовесов, удерживающую очень богатых от потенциальных

злоупотреблений, нам нужно создать экономику с более высоким уровнем равенства богатства и доходов.

В-седьмых, экономическая система, к которой мы катимся с начала 1970-х гг., — американский капитализм — формирует наше индивидуальное и национальное самосознание в крайне неудачном ключе. Наружу вылезает то, что явно противоречит нашим высшим ценностям, — жадность, эгоизм, аморальность, готовность эксплуатировать других и нечестность, которую Великая рецессия высветила в финансовом секторе, проявляются везде и не только в Соединенных Штатах. Нормы поведения, которые мы считаем приемлемыми или, наоборот, неприемлемыми, изменяются, подрывая социальное единство, доверие и даже эффективность экономики.

В-восьмых, хотя Трамп и националисты в других местах мира пытаются обвинять других — мигрантов и плохие торговые соглашения — в наших бедах, особенно в негативных аспектах деиндустриализации, на деле их причины кроются в нас самих: мы вполне могли бы лучше управлять техническим прогрессом и процессом глобализации так, чтобы люди, потерявшие работу, находили себе применение где-нибудь еще. Забегая вперед, скажу, что мы должны делать это лучше, и я покажу, каким образом. Самое главное, что изоляционизм здесь неприемлем. Мы живем в высшей степени взаимосвязанном мире и должны управлять своими международными отношениями — как экономическими, так и политическими — лучше, чем делали это в прошлом.

В-девятых, существует всеобъемлющая экономическая политика, которая должна возобновить рост и восстановить общее процветание. Она сочетает устранение препятствий, мешающих росту и достижению равенства, в частности тех, что возвели корпорации с чрезмерной рыночной властью, и восстановление баланса, например наделение работников более значительной переговорной силой. Она предусматривает более существенную поддержку фундаментальных исследований

и побуждение частного сектора к участию в создании богатства, а не в поисках ренты.

Экономика, конечно, — это всего лишь средство достижения цели, а не сама цель. Уровень жизни среднего класса, который казался неотъемлемым правом американцев после Второй мировой войны, становится все более недостижимым для огромной доли населения страны. Наша страна намного богаче сейчас, чем была в те времена. Мы можем позволить себе сделать так, чтобы этот уровень жизни был доступным для подавляющего большинства наших граждан. Эта книга показывает, как добиться этого.

И последнее — пришло время больших перемен. Инкрементализм — небольшие корректировки нашей политической и экономической системы — не подходит для стоящих перед нами задач. Нам нужны кардинальные изменения. Однако ни одно из них невозможно осуществить без сильной демократии, уравнивающей политическую власть сконцентрированного богатства. Экономической реформе должна пред-

Часть I

КАК МЫ СБИЛИСЬ С ПУТИ

*И если дом разделится сам в себе,
не может устоять дом тот.*

Евангелие от Марка. 3:25

Введение

То, что дела в США и во многих других развитых государствах обстоят не очень хорошо, мягко сказано. В стране налицо чуть ли не повальное недовольство.

Так быть не должно, если верить американской экономической и политической науке последней четверти столетия. После падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. Фрэнсис Фукуяма объявил о «конце истории»*, поскольку демократия и капитализм одержали полную победу. Казалось, наступает новая эра глобального процветания с более быстрым, чем когда-либо, ростом, и возглавить ее должна была Америка¹.

Однако к 2018 г. эти высоко парящие идеи, похоже, окончательно разбились о приземленную реальность. Финансовый кризис 2008 г. показал, что капитализм был вовсе не тем, чем предполагалось, — он не отличался ни эффективностью, ни стабильностью. Затем появилась масса статистических данных, говорящих о том, что от роста в последнюю четверть века выиграли главным образом те, кто находился на самом верху. И, наконец, протестное голосование на обеих сторонах

* Имеется в виду эссе Фукуямы «Конец истории?», опубликованное в журнале *National Interest* в 1989 г., и вышедшая впоследствии его книга. — *Прим. пер.*

Атлантики — Брекзит в Великобритании и избрание Дональда Трампа в Соединенных Штатах — посеяло сомнения в здравомыслии демократического электората.

Наши умники быстро нашли этому объяснение, в принципе правильное. Элиты забыли о бедственном положении многих американцев в стремлении к глобализации и либерализации. Это относится и к финансовым рынкам, обещавшим, что все выиграют от «реформ». Однако обещанные выгоды так и не материализовались для большинства граждан. Глобализация ускорила процесс деиндустриализации, оставив за бортом массу людей, особенно не имевших высшего образования, и главным образом мужчин. Либерализация финансовых рынков привела к кризису 2008 г., самому тяжелому экономическому спаду со времен Великой депрессии, начавшейся в 1929 г. Несмотря на то что десятки миллионов людей по всему миру потеряли работу, а миллионы американцев лишились своего жилья, ни один из директоров крупнейших финансовых организаций, поставивших глобальную экономику на грань краха, не понес ответственности. Ни один не попал в тюрьму, напротив, все они получили мегабонусы. Банкиров спасли, а те, кого они разорили, остались ни с чем. Хотя экономическая политика и позволила избежать новой Великой депрессии, политическим последствиям такого несбалансированного спасения удивляться не стоит².

То, что Хиллари Клинтон называет сторонников своего оппонента в деиндустриализованных регионах страны «недостойными людьми», может быть фатальной политической ошибкой: для них ее слова — это проявление высокомерия элит. В ряде книг, включая «Деревенскую элегию»³ Джея Ди Вэнса и «Чужаков на собственной земле»⁴ Арли Хохшильд, предельно красноречиво описываются чувства тех, кто пережил деиндустриализацию, и многих других, оказавшихся в таком же положении. Они наглядно показывают, как далеки эти люди от национальных элит⁵.

Один из лозунгов предвыборной кампании Билла Клинтона в 1992 г. звучал так: «Это экономика, дурачок». Конечно, это не более чем чрезмерное упрощение, и приведенные здесь исследования объясняют почему: людям нужно уважение, им необходимо чувствовать, что их слушают⁶. После продолжавшихся более трети столетия проповедей республиканцев об отсутствии у правительства возможности решить свои проблемы, люди не ждут, что оно возьмется за решение их проблем. Однако они хотят, чтобы правительство «вступалось» за них во всех смыслах этого слова, а когда такое происходит, им не хочется слышать упреки в том, «что они плетутся в хвосте». Это унижительно. Люди принимают трудные решения в несправедливом мире. Им нужно, чтобы неравенство устранили хотя бы частично. Однако во время кризиса 2008 г., причиной которого была проводимая элитами политика либерализации финансового рынка, правительство встало на сторону элит. Это как минимум история, в которую все верят, и я покажу, что в ней немалая доля правды⁷.

Если лозунг президента Клинтона и упрощал вещи, намекая на то, что экономика — это все, чем надо заниматься, то не так уж сильно. Наша экономика не работает для огромной части населения страны. В то же время она невероятно щедро вознаграждает тех, кто находится на самом вершине. Если разобраться, то именно это все углубляющееся разделение лежит в основе нынешнего затруднительного положения нашей страны, а заодно и многих других развитых стран.

Конечно, это провал не только в сфере экономики, но и политики. Экономическое разделение ведет к разделению политическому, а политическое разделение служит усилителем для экономического. Имеющие деньги и власть используют свое политическое влияние для введения таких правил экономической и политической игры, которые увеличивают их преимущество.

В Соединенных Штатах существует очень маленькая элита, контролирующая все возрастающую долю экономики, и широкий нижний слой, лишенный практически всех ресурсов⁸, — для 40% американцев проблема, для решения которой нужны четыре сотни долларов, болезнь ребенка или поломка автомобиля, превращается в неразрешимую катастрофу⁹. Трое богатейших американцев — Джефф Безос (Amazon), Билл Гейтс (Microsoft) и Уоррен Баффетт (Berkshire Hathaway) — стоят больше, чем вся нижняя половина населения США. Это прямое свидетельство того, как много богатства наверху и как мало его внизу¹⁰.

Баффетт, легендарный инвестор-миллиардер, был совершенно прав, когда сказал: «Это действительно классовая война, ведет ее мой класс, класс богатых, и мы побеждаем»¹¹. Это было сказано не как вызов, а потому, что, на его взгляд, именно так выглядит точное описание состояния Америки. И он ясно дал понять, что считает это неправильным, даже антиамериканским.

Наша страна начиналась как представительная демократия, и Отцов-основателей беспокоила возможность того, что большинство будет подавлять меньшинство. Во избежание этого они включили гарантии в конституцию, в том числе и ограничения на то, что может делать правительство¹². За 200 с лишним лет, однако, ситуация изменилась. Сегодня в США есть политическое меньшинство, которое если не подавляет большинство, то как минимум занимает по отношению к нему доминирующее положение, не давая большинству делать то, что могло бы пойти на пользу всей стране. Подавляющая часть электората хотела бы видеть более жесткий контроль за оружием, более высокую минимальную заработную плату, более жесткое финансовое регулирование и более широкий доступ к медицинским услугам и образованию без обременительных долгов. Большинство американцев голосовало за Эла Гора, а не за Джорджа Буша, за Хиллари Клинтон, а не за Дональда Трампа. Большинство американцев вновь и вновь

голосует за демократов на выборах в палату представителей, однако в определенной мере в результате предвыборных махинаций республиканцы практически всегда сохраняли контроль — в 2018 г. наконец демократы со значительным перевесом обрели контроль. Подавляющее большинство американцев голосовало за сенаторов-демократов¹³, однако в результате того, что штаты с малочисленным населением вроде Вайоминга имеют по два сенатора, как и наши самые густонаселенные штаты Нью-Йорк и Калифорния, республиканцы сохраняют контроль над сенатом, который важен из-за его роли в утверждении состава Верховного суда. Как ни прискорбно, суд перестал быть справедливым арбитром и толкователем конституции и превратился в еще одно поле политических баталий. С той поры, как меньшинство заняло доминирующее положение, наши конституционные гарантии перестали распространяться на большинство.

Последствия такой деформации выходят далеко за пределы экономики: они затрагивают не просто политику, но и характер нашего общества и самосознания. Несбалансированность, эгоистичность и недальновидность государства ведет к появлению несбалансированных, эгоистичных и близоруких людей, усиливая недостатки нашей экономической и политической системы¹⁴. Финансовый кризис 2008 г. высветил безнравственность многих наших банкиров и раскрыл их предельную бесчестность и готовность поживиться за счет незащищенных. Эти грехи в высшей степени поразительны в стране, где на протяжении многих десятилетий в политических дискуссиях апеллируют к «ценностям».

Для понимания того, как восстановить общий рост, нужно начинать с понимания истинных источников богатства нашего народа, как, впрочем, и любого другого. Истинными источниками богатства являются производительный труд, творческие способности и активность народа; достижения нау-

ки и техники в последние два с половиной столетия; а также успехи экономической, политической и социальной организации за тот же отрезок времени, включая верховенство закона, конкурентные, хорошо регулируемые рынки и демократические институты с их сдержками, противовесами и широким спектром организаций, занимающихся «установлением истины». Именно эти достижения создали основу для громадного повышения уровня жизни, произошедшего за два последних столетия.

Следующая глава посвящена двум тревожным изменениям последних четырех десятилетий, о которых мы уже упоминали: замедление роста, а также стагнация и даже снижение доходов значительной части населения. Между теми, кто наверху, и остальными образовался зияющий разрыв.

Простого *описания* траектории, по которой движутся наша экономика и общество, недостаточно. Нам необходимо глубже понять силу идей и интересов, уводивших нас с правильного курса на протяжении последних четырех десятилетий, выяснить, почему они захватили умы стольких людей и почему они в корне ошибочны. Решение отдать определение экономических и политических целей и задач на откуп корпоративным интересам привело к усилению концентрации экономической и политической власти, и этот процесс продолжается. Понимание причин, по которым наша экономическая и политическая система перестала служить нам, — это лишь пролог к тому, чтобы увидеть возможность существования иного мира.

В этой возможности есть позитивный момент: к осязаемому общему процветанию могут привести довольно простые реформы — простые с экономической точки зрения, но не с политической. Как мы увидим, можно сделать экономику более созвучной с тем, что, на мой взгляд, считается общепринятыми базовыми ценностями — не жадность и бесчестность, продемонстрированные нашими банкирами, а высшие ценности, так часто провозглашаемые политическими, экономически-

ми и религиозными лидерами. Такая экономика будет изменять наш облик — приближать нас к обществу, о котором мы мечтаем. А эти изменения позволят создать более человечную экономику, способную обеспечить подавляющему большинству граждан жизнь на уровне среднего класса, которая сейчас становится для них все менее достижимой.

Богатство народов

Вышедшая в 1776 г. знаменитая книга Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» — хорошая отправная точка для того, кто решил разобраться в источниках благосостояния народов. Ее обычно считают началом современной экономической науки. Смит справедливо критикует меркантилизм, экономическое учение, доминировавшее в Европе в эпоху Возрождения и в начале индустриального периода. Меркантилисты отстаивали необходимость экспорта товаров в обмен на золото, которое, по их мнению, должно было сделать их хозяйство богаче, а страны политически могущественнее. Казалось бы, над столь недалновидной политикой можно лишь посмеяться: заполнение сейфов золотом не приводит к повышению уровня жизни. Однако похожее заблуждение широко распространено и сегодня, особенно среди тех, кто утверждает, что экспорт должен превышать импорт, и проводит соответствующую ничем не обоснованную политику.

Реальное богатство страны определяется ее способностью устойчиво производить, высоким уровнем жизни всех ее граждан. Это, в свою очередь, поддерживается устойчивым ростом производительности труда, который обеспечивается инвестициями частично в основные средства, но главное — в *приобретение знаний*, а также поддержанием полной занятости таким образом, чтобы имеющиеся ресурсы не выбрасывались на ветер и не лежали мертвым грузом. Это определенно не имеет ника-

кого отношения к простому накоплению финансового богатства или золота. Далее я покажу, что фокусирование внимания на финансовом богатстве вредно — оно растёт в ущерб реальному богатству страны, его накопление является одной из причин замедления роста в нашу эру финансиализации.

Смит, который писал свою книгу на заре промышленной революции, не мог полностью раскрыть, откуда берётся реальное богатство народов сегодня. Источником богатства Великобритании в то время, да и в последующем столетии, в значительной мере была эксплуатация колоний. Смит, однако, сфокусировал внимание не на экспорте, не на эксплуатации колоний, а на роли промышленности и торговли. Он говорил о преимуществах, которые на крупных рынках приобретает специализация⁵. Это, конечно, правильно, но не объясняет основу богатства страны в современных экономических условиях: Смит ничего не говорил об исследованиях и разработках или о приобретении знаний опытным путем, то есть о том, что экономисты называют «обучением в процессе деятельности»⁶. Причина была простой: технический прогресс и обучение играли незначительную роль в экономике XVIII в.

На протяжении многих веков до выхода в свет работы Смита уровень жизни практически не менялся⁷. Чуть позже Смита экономист Томас Роберт Мальтус выдвинул идею о том, что это рост населения не позволяет заработной плате превысить прожиточный минимум. В соответствии с его представлениями, как только заработная плата превышает прожиточный минимум, население начинает расти и возвращает заработную плату на прежний уровень. Для повышения уровня жизни просто нет никаких возможностей. Мальтус был совершенно неправ.

Эпоха Просвещения и ее последствия

Смит жил в период интеллектуального расцвета в конце XVIII в., который называют эпохой Просвещения. Нередко ассоциируе-

мая с научной революцией, эпоха Просвещения была следствием достижений предшествующих столетий, начиная с времен протестантской Реформации. До Реформации XVI в., которую вначале возглавил Мартин Лютер, право на истину принадлежало власти. Реформация поставила под сомнение авторитет власти, и в Тридцатилетней войне, начавшейся в 1618 г., европейцы сражались за альтернативные парадигмы.

Сомнения в авторитете власти заставили общество искать ответы на вопросы: как мы познаем истину? Как мы познаем мир вокруг нас? И как нам следует организовать общество?

Появилась новая теория познания, которая охватывала все аспекты жизни кроме духовного мира: иначе говоря, наука с ее системой доверия на основе подтверждения, где каждое достижение опиралось на более ранние исследования и прогресс, достигнутый предшественниками¹⁸. Появились университеты и исследовательские институты, помогавшие выявлять истину и постигать природу нашего мира. Многие вещи, воспринимаемые нами сегодня как нечто само собой разумеющееся, от электричества до транзисторов и компьютеров, смартфонов, лазеров и современной медицины, являются результатом научных открытий, поддерживаемых фундаментальными исследованиями. И это не только высокотехнологичные новшества: даже дороги и здания являются результатом научного прогресса. Без него у нас не было бы небоскребов и автомагистралей, не было бы и современных городов.

Отсутствие королевской или церковной власти, диктующей, какой будет социальная организация, означало, что общество должно само определять это. Оно не могло надеяться на то, что власть — земная или небесная — устроит все как надо. Ему пришлось создавать системы управления. Создание социальных институтов, которые обеспечат благополучие общества, было более сложной задачей, чем поиск истинных законов природы. Обычно в этой сфере невозможно экспери-

ментировать в контролируемых условиях. Впрочем, полезным может быть изучение прошлого опыта. Приходится полагаться на логические построения и обмен мнениями, то есть признать, что ни у кого нет монополии на правильное представление о социальной организации. Эти логические построения приводят к осознанию важности верховенства закона, надлежащей правовой процедуры и системы сдержек и противовесов, подкрепленных фундаментальными ценностями вроде правосудия для всех и свободы личности¹⁹.

Наша система управления с ее обязательством справедливо относиться ко всем требовала установления истины²⁰. Наличие надлежащей системы управления повышает вероятность принятия хороших и справедливых решений. Они не обязательно должны быть идеальными, главное, чтобы их можно было корректировать при обнаружении недостатков.

Со временем появился широкий спектр институтов, обеспечивающих высказывание истины, выявление истины и подтверждение истины, именно им мы в значительной мере обязаны успешностью нашей экономики и демократии²¹. Центральное место среди них занимают активные средства массовой информации. Как и любые другие институты, они допускают ошибки, но их расследования являются частью системы сдержек и противовесов и важным общественным благом.

Технический и научный прогресс²² наряду с изменениями в социальной, политической и экономической организации, связанными с эпохой Просвещения, привел к такому росту объема производства, который опередил прирост населения, поэтому доход на душу населения начал повышаться. Общество научилось сдерживать рост населения, и в развитых странах люди все чаще стали ограничивать размер семьи, особенно с повышением уровня жизни. Мальтузианское проклятие было снято. Так начался рост уровня жизни, который мы наблюдаем уже более 250 лет (см. рис. 1: уровень жизни, оставшийся практически неизменным на протяжении многих веков, начал